

САКОВИЧ Екатерина Сергеевна / Ekaterina SAKOVICH

| Диалектика приватности и публичности в виртуальном пространстве |

САКОВИЧ Екатерина Сергеевна / Ekaterina SAKOVICH

Беларусь, Минск.
Европейский Гуманитарный Университет (Вильнюс).
Визуальные и культурные исследования, магистрант.

Belarus, Minsk.
European Humanities University (EHU) in Vilnius.
Cultural Studies: Visual and Cultural Studies, Master.

Sakovich_katya@mail.ru

ДИАЛЕКТИКА ПРИВАТНОСТИ И ПУБЛИЧНОСТИ В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Статья посвящена отношению практик приватности и публичности в виртуальном пространстве. Целью автора стало стремление выявить изменения взаимодействия публичной и приватной сфер, обусловленные влиянием социальных и технологических факторов. В статье анализируются «приватность» и «публичность» в различных научных дискурсах: работах, посвященных анализу виртуальности, digital culture, киберпространства и публичности таких авторов, как П. Вирильо, Ж. Бодрийар, М. Постер, М. Кастельс, В. Миллер, С. Жижек. В процессе анализа этих практик автор доказывает, что нехватка публичной сферы в виртуальном пространстве приводит к ее инверсии с приватной сферой. Приватность перенимает на себя статус публичности и поглощает ее. Такая сформировавшаяся виртуальная публичность существует как тотальное потребление приватных данных.

Ключевые слова: публичность, приватность, интимность, digital culture, виртуальность, капитализм, медиа, надзор, гиперреальность, информационные технологии, социальные сети, либерализация, иллюзорность

Dialectics of Privacy and Publicity in the Virtual Space

The article is devoted to the relationships between the practice of privacy and the practice of publicity in the virtual space. The author's aim was to detect changes in the interaction of public and private spheres, which appear, due to the influence of social and technological factors. The article analyzes the terms "private" and "public" in different scientific discourses: works dedicated to the analysis of virtuality, digital culture, cyberspace, and the publicity of such authors as P. Virilio, Jean Baudrillard, M. Poster, M. Castells, V. Miller, and S. Zizek. Analyzing these practices, the author proves that the lack of a public sphere in cyberspace leads to its inversion with the private sphere. Privacy takes the status of publicity and absorbs it. This type of virtual publicity exists as a total consumption of private data.

Key words: publicity, privacy, intimacy, digital culture, virtuality, capitalism, media, surveillance, hyperreality, information technologies, social networks, liberalization, illusor

Понятие «публичности» со времен первых государств является неотъемлемым свойством демократии и сопровождает все процессы в гражданском обществе. Как социологический феномен оно получило развитие в виде понятий «публичного пространства» (Арендт) и «публичной сферы» или «публичности» (понятия die Öffentlichkeit Хабермаса). В целом они понимали публичность как неотъемлемое качество, присущее человеческому сообществу, и форму коллективной рефлексии. Публичность можно охарактеризовать как рациональный консенсус, процесс решения проблемы в жизни гражданского общества, касающийся всех равным образом. Публичной сфере свойственен формат коммуникаций в едином времени, месте и пространстве, личное взаимодействие между участниками, рациональное, критическое мышление, отсутствие иерархий и свобода слова.

Необходимо отметить, что понятие публичности нельзя рассматривать вне понятия приватности. Приватность противоположна в своих характеристиках: она имеет эмоционально-суг-

гестивную природу, базируется не на равенстве, а на принятии социальных, порой ассиметричных ролей. Целью приватной коммуникации становится временный баланс ее участников и манипуляция. Также можно дать такую характеристику: сфера частного это все то, что не является предметом законной обеспокоенности других¹. Два полюса одного и того же процесса демонстрируют явления, происходящие в обществе, политике, коммуникативной сфере, межличностных отношениях. Как точки на одной шкале, они являются индикаторами, но в то же время взаимодействуют между собой и переходят друг в друга. Диалектику противоположностей «публичность-приватность» и ее трансформацию в виртуальном пространстве предлагается рассмотреть в данной статье.

Развитие информационных технологий, а также новейших технологий коммуникации, под которыми, по определе-

¹ Ben-Ze'ev A. Love Online: Emotions on the Internet. Cambridge University Press, 2004. 302 p.

нию ЮНЕСКО, подразумевается комплекс взаимосвязанных научных, технологических, инженерных дисциплин, изучающих методы эффективной организации труда людей, занятых обработкой и хранением информации; вычислительную технику и методы организации и взаимодействия с людьми и производственным оборудованием, их практические приложения, а также связанные со всем этим социальные, экономические и культурные проблемы, поставило перед социологами и философами задачу осознания и осмысления процессов происходящих в обществе под влиянием этих явлений. Стержнем и воплощением информационной эпохи, как писал М. Кастельс², стал Интернет. Исследователи связывали с ним самые оптимистичные прогнозы и горизонты возможностей: «Он воплощает культуру свободы и личного творчества, будучи как источником новой экономики, так и общественного движения, базирующегося скорее на изменении человеческого сознания, чем на увеличении власти государства»³. В работе «Демократия и гражданское общество» Дж. Кин соотносил появление Интернета с возрождением публичной сферы, свободной от государственного контроля, демократичной и приспособленной для споров и обсуждений⁴. Как и у С. Бенхабиб, у Кина гражданское общество не может существовать без свободы слова, столкновения различных мнений и позиций, причем площадка для реализации таких гражданских прав не может быть прогосударственной.

Однако чем глубже виртуальное пространство внедряется в коммуникационные процессы, тем менее однозначными становятся мнения и публикации о возрождении публичности в том понимании, в котором о ней писали Х. Арендт, Ю. Хабермас и Р. Сеннет. На первый взгляд, технологический процесс открыл единственный возможный путь либерализации капиталистических обществ, а на виртуализацию возложил надежды обращения либеральных принципов в социальный факт. Р. Барбрук и Э. Камерон назвали этот подход этапом эволюции и великого проекта освобождения человека и общества от рабства — «электронной агорой»⁵. Однако даже мнение теоретика технологий Маршалла МакЛюэна не было таким однозначным⁶. Свою освобождающую миссию догмат «Калифорнийской Идеологии» утратил с процессом трансформации освобождающего потенциала новых информационных технологий во властные и экономические потенциалы. Таким образом, видение цифрового будущего становится все более «деспотичным и подавляющим»⁷.

Публичная информация как инструмент надзора

Особенности архитектуры информационных сетей, таких как интернет, заключающиеся в открытости кода, частей системы

и данных пользователей, привели к проблеме их использования. Тематика надзора и трансформации дисциплинарных практик в информационном обществе все чаще стала появляться в работах исследователей. Они развивают подход Фуко, спроецированный на формы «электронного надзора», и говорят о потере приватности в информационном обществе. Главными метафорами данного дискурса становится «Паноптикон» и «Большой брат».

Одной из целей использования персональной информации становится контроль на предприятиях за действиями сотрудников. Кастельс пишет: «Мы забыли о существовании авторитарной практики надзора внутри среды, остающейся наиболее важной для нашей жизни: на нашем рабочем месте»⁸. Одни же из главных направлений электронного надзора связаны с технологиями сбора данных для электронной коммерции — продаж и получения клиентов. Люди отказываются от своего права на приватность в обмен на возможность использования интернета⁹, но также здесь имеет место проблема необразованности в информационной сфере, а юридические аспекты прав недостаточно разработаны. В этой благоприятной среде индустрия маркетинга индивидуального поведения предоставляет безграничные возможности.

Являясь главными участниками демократических процессов в экономике, предприниматели в то же время разделяют информационные продукты получения данных с государством, которое в свою очередь заимствует их для государственного надзора и слежки, комбинируя с традиционными. Как и предприниматели, которые ищут у государства защиту своих данных, например авторских прав, само государство зачастую становится жертвой глобализации и хакерства, как пишет Кастельс: «суверенитет подвергается эрозии»¹⁰. Угроза сохранению приватности приводит к увеличению систем контроля за действиями пользователей. «Жизнь в электронном паноптиконе — все равно что проведение половины нашей жизни в условиях постоянного контроля» — считает Кастельс¹¹. Такой контроль приводит к раздвоению личности, шизофрении, смешению живого общения и внутренней цензуры. Человеку постоянно необходимо держать в голове мысль, что его личная переписка в интернете может стать публичной. Такой самоконтроль развивает тревожность, основной причиной которого Кастельс видит не страх перед наказанием, а отсутствие четких правил поведения в этой среде.

Р. Вайтекер обращается к тем же фукодианским и оруэловским метафорам¹². По его мнению, технологии делают тотальный контроль все более возможным и осуществимым, причем уже не на уровне микрофизики, где работает дисциплина «по Фуко», а на уровне микробиологии, на уровне технологической коррекции генетического кода ДНК. Контроль информации на данном этапе — основной инструмент силы. Уильям Богард на-

² Кастельс М. Галактика Интернет. Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. У-Фактория, 2004. С. 5–7.

³ Там же. С. 8.

⁴ Кин Дж. Демократия и гражданское общество. Прогресс-Традиция, 2001.

⁵ Барбрук Р., Камерон Э. Калифорнийская идеология. URL: http://www.vladivostok.com/speaking_in_tongues/calif.htm (Дата обращения 17 июня 2012)

⁶ Там же. С. 10.

⁷ Там же. С. 24.

⁸ Кастельс М. Галактика Интернет. Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. У-Фактория, 2004. С. 203.

⁹ Там же. С. 205.

¹⁰ Там же. С. 209.

¹¹ Там же. С. 212.

¹² Whitaker R. The End of Privacy: How Total Surveillance is Becoming a Reality. New Press, 2000. 270 p.

САКОВИЧ Екатерина Сергеевна / Ekaterina SAKOVICH

| Диалектика приватности и публичности в виртуальном пространстве |

зывает гиперконтроль основной механикой установления политической силы в современных обществах. Не явный на первый взгляд, он как призрак показывает свое присутствие лишь редкими намеками¹³. Война в XXI веке осуществляется в категориях информационной разведки и шпионажа (здесь нельзя не вспомнить пример с сайтом WikiLeaks). В целом особенность электронного надзора — это различные механики и процессы, а не централизованная система управления.

Марк Постер концептуализирует новое отношение человека к информации и машинам по ее обработке, он фокусируется на структуре их взаимодействия. В логике Фуко Постер показывает трансформацию знания, изменения структур власти и практик. Обращаясь к гуманистическому понятию гражданства, он демонстрирует, как интернет-технологии поощряют создание новых политических форм бытия. Постер полагает, что «пользователь сети может стать фигурой в новом типе политических отношений, который не может существовать без лояльности участников глобальной сетевой коммуникации»¹⁴. Постер верит в существование новой электронной агоры, но тем не менее демонстрирует, как в «модусе информации» происходит переконфигурация языка, приводящая к дестабилизации структур субъективности.

Автор анализирует, как изучалась идентичность, и приводит различные формулировки этого понятия, он вводит такой концепт, как тип идентичности «theft» для обозначения изменившегося типа субъектности и опыта в культурном пространстве постсовременности. Он сформировался как под влиянием новых медиа, так и исторически. Концепт основан на использовании персональных данных, а также характеризуется фрагментарностью, заимствованием¹⁵. По мнению Постера, сейчас человек все больше конструирует себя из окружающего его пространства и объектов в этом пространстве, он «вор». Такое явление он соотносит со множеством индикаторов: это развитие медиа, глобальный капитализм и культура постмодерна¹⁶.

Отличия публичной сферы интернет-потребителя от зрителя телевидения, например, заключаются также в том, что он обладает видимостью контроля над взаимодействием. Но на самом деле, это лишь иллюзия контроля: современные информационные технологии скорее стимулируют воспроизводство существующих мнений или просто высказывание своей позиции без конструктивного диалога, который обеспечивают менее технологичные способы коммуникации, такие как переписка или общение лицом к лицу¹⁷. Технология как инструмент стала таким мощным средством, что перевела внимание с результата диалога на его процесс. Человек, который идеализируется, как участник в этом диалоге, может не ставить перед собой никакой направленной на достижение консенсуса задачи, а довольствоваться лишь фактом своего виртуального присутствия в теме.

Таким образом, проанализировав как переход из приватной в публичную информацию позволяет не только расширять микрофизику надзора, но и меняет саму идентичность участника виртуальной коммуникации, можно перейти к оценке особенностей сформировавшейся публичной сферы.

Специфика виртуальной публичности

Итак, публичная сфера должна обладать рядом характеристик, которые обеспечивают ее функционирование: единство времени и места, равенство участников, актуальность проблемы для каждого из них и др. Однако с развитием средств массовой коммуникации эти условия публичности трансформировались. Если для Арендта было необходимо только живое общение, то для Хабермаса уже сам факт наличия обсуждения вне его реального факта обеспечивало публичность. В виртуальности эта практика прогрессирует: смещается само понятие реальности, а следовательно и пространства, в котором возможна публичная коммуникация или интимные отношения, также временные границы подвергаются изменениям. Все это приводит к качественно другой специфике виртуальной публичности.

Ж. Бодрийяр в своих последних работах пишет об устранении реальности в имплозии различных культурных пространств. Виртуализация существует как технологическое «убийство реальности». Здесь можно провести параллели, как с приватной, так и публичной сферой. Бодрийяр описывает, что предел экстаза гиперреальности гораздо больше, чем сама реальность. А это значит, что все реализовывается виртуально¹⁸, нет тех эмоций, ощущений, ситуаций, которые здесь не встречаются. Состояние полной насыщенности, без каких-либо потребностей ведет к освобождению от сексуальной функции¹⁹, фактически — от самого природного естества, что равноценно той же смерти. В то же время концепция Бодрийяра — это окончательная иллюзорность виртуальности, лишь видение реализации явлений, за которыми стоят рассредоточение власти и критический мысли.

Подобный опыт описывает П. Вирильо в работе «Информационная бомба». Для него виртуализация воспринимается как уровень электронного субстрата коммуникаций. Вирильо демонстрирует, как дереализация (виртуализация) затрагивает базовые физические структуры опыта. Так он связывает выставление личной жизни напоказ в замкнутых web-системах, а также слежение за действиями других, вуайеризм и коллективное самонаблюдение с формированием капиталистического рынка рекламы. Предметом рекламы становится не просто товар, а сама коммуникация. Конечно, в причинах исчезновения индивидуального существования не последнюю роль играет технология: «Новое оптоэлектронное оборудование бесстрастно проводит как медицинское исследование «почек и сердца» в реальном времени, так и всеобщее (от улицы до орбитального комплекса) теленаблюдение, предваряя собой возникновение всеобщего киберцирка»²⁰. Эрозия приватности выводит на по-

¹³ Ibid.¹⁴ Poster M. Information please: culture and politics in the age of digital machines. Duke University Press, 2006. P. 78.¹⁵ Ibid. P. 113.¹⁶ Ibid. P. 112.¹⁷ Ibid.¹⁸ Baudrillard J. The Vital Illusion. Columbia University Press New York, 2000. P. 66.¹⁹ Ibid. P. 9.²⁰ Вирильо П. Информационная бомба. Стратегия обмана. М.; 2002 URL: <http://lib.ru/POLITOLOG/virilio.txt> (Дата обращения: 17 июня 2012)

верхность публичного такие сферы, которые ранее считались запретными и интимными. Вирильо приводит в пример порнографию в кинематографе и современном искусстве, которая, сливаясь с культурой, становится легитимным явлением. «Это и есть эндоколонизация лишённого интимности, ставшего чуждым и непристойным (из-за чрезмерного высвечивания деталей) мира, полностью отданного во власть информационной технике»²¹. Кроме рассеивания интимной сферы, Вирильо поднимает вопрос пространственных и временных категорий коммуникации. За счёт телетехнологий, интерактивности и глобализации, они практически не ограничены ни временем ни пространством. Виртуальный эффект присутствия заменяет реальные события и создает возможности для «торговли видимостью», что может привести ко всем особенностям тоталитарных систем, о которых упоминалось в «Калифорнийской идеологии».

Автор гендерных исследований А. Розанна Стоун исследует тему виртуализации как проблему границ технологического продолжения человека. Технологически стимулируемая приватизация (интимизация) социального приводит к мутации публичного пространства. Это касается не только гендерного обмена или замещения, но и в целом возможностей человеческого тела. В качестве примеров Стоун приводит личность Стивена Хокинга, чья коммуникация была бы невозможна без технических средств, или же такое явление, как секс по телефону, когда передатчик замещает интимное пространство. Индустрию возможности создания технической идентичности автор называет индустрией смерти, секса и машинизации²².

Обратную сторону широких возможностей Интернета описывает Ю. Хабермас в статье «Первым почуть важно: Что отличает интеллектуала»: «Пользование Интернетом одновременно расширило и раздробило коммуникативные контексты. Поэтому Интернет оказывает подрывное воздействие на авторитарные режимы публичной сферы. Однако горизонтальное и ставшее менее формализованным образование коммуникативных сетей одновременно выхолащивает достижения традиционных публичных сфер. Ведь их функция заключалась в том, чтобы в рамках политических сообществ концентрировать внимание анонимной и рассеянной аудитории на неких избранных сообщениях так, чтобы граждане в один и тот же момент могли быть заняты одними и теми же критически отфильтрованными темами и высказываниями в их связи. Интернет способствует всеобщему равенству, что можно лишь приветствовать, однако платой за это оказывается децентрализация доступа к неотредактированным высказываниям. В таких условиях высказывания интеллектуалов теряют свою способность фокусировать внимание публики»²³. Данная цитата приводится в полном объеме, потому что она отражает такую специфику виртуальной публичной сферы, как рассеянность аудитории и обилие большого количества некачественного контента — неотредактированных высказываний, которые в реальном диалоге были бы полностью бессмысленны или даже невозможны.

²¹ Там же.

²² Rosanne Stone A. *The War of Desire and Technology at The Close of Mechanical Age*. The MIT Press, 1996.

²³ Хабермас Ю. *Моральное сознание и коммуникативное действие*: СПб.: Наука, 2000. 379 с.

Благодаря глобальности и вседоступности участия в онлайн-диалоге, виртуальной публичности свойственна массовая доступность к неотредактированным высказываниям, отсутствие цензуры и привязки к проблеме, что полностью лишает ее рациональности. Описанное выше участие в диалоге ради самого факта или дани техническому прогрессу намного понижает возможность достижения консенсуса. Например, высказывание мнения через «like» создает у пользователя ощущение, что он принял участие в публичной коммуникации, однако никакого рационального значения это участие не имеет. Равенство участников, необходимое в понимании Арндт или Сеннета, не приравнивается к полному отсутствию авторитета и фильтрации высказываний в интернете. Также имеет значение, что ранее участники были в равной степени заинтересованы в решении проблемы, виртуальная специфика же заключается во вседоступности.

Тем не менее, виртуальное публичное пространство имеет определенную гомогенность, что также влияет на качество диалога в нем. Формируется она за счет идеи создания социального графа, положенную в основу архитектуры не только социальных сетей, но и таких виртуальных экосистем, как Google. Идея Social Graph заключается в том, чтобы создать график социальных взаимоотношений на основе имеющихся в сети пользовательских данных²⁴. Т. к. эти данные ограничены, следовательно, мы получаем круг влияния, сформированный за счет наших интересов. Например, среди всех пользователей социальной сети для добавления в друзья нам будут рекомендоваться лишь те, чьи интересы соответствуют нашим. Либо результаты поисковой выдачи будут зависеть от того, какая информация указана в нашей анкете (область деятельности, возраст, пол). Формирование такой цепочки связей приводит к тому, что оказаться с кем-то не из твоей сферы так же редка, как и встретить представителя другой страны в закрытых общестах. Когда контексты различных областей в информационной среде не соприкасаются, у пользователя может создаваться впечатление, что все люди в обществе говорят об одном и том же, а СМИ активно разрабатывают лишь некоторые темы. Такая однородная среда способствует развитию экстремизма или других радикальных направлений за счет того, что не демонстрирует альтернативного взгляда на проблемы. Вероятность попадания члена одной политической партии в социальных граф к члену другой архитектура виртуального пространства сводит к минимуму.

Симуляция интимности

Причины трансформации публичной сферы в виртуальном пространстве во многом опираются на новые технические способы взаимодействия, а также проникновение в нее личной информации пользователей. Частная информация о человеке начинает играть значительную роль во всех его взаимодействиях, порождая ту самую диалогичность публичности и приватности. Причем тенденция к обнародованию личных данных имела место еще до развития интернета, с его приходом же только увеличилась. Можно вспомнить понятие нарциссизма

²⁴ Van Manen M. *The Pedagogy of Momus Technologies: Facebook, Privacy, and Online Intimacy*. In: *Qual Health Res*, 2010. Vol. 20. P. 1024–1032.

САКОВИЧ Екатерина Сергеевна / Ekaterina SAKOVICH

| Диалектика приватности и публичности в виртуальном пространстве |

Сеннета, которое он активно употреблял при описании современного человека²⁵. Или же обратится к примеру из эссе М. Кундеры «Нарушенные завещания», в котором он упрекает близких людей писателей за то, что они не выполняли просьб относительно профессионального творчества и обнародовали личную информацию, которая не относилась к авторским работам, например секреты или незаконченные романы²⁶.

С распространением обнародования личной информации вопросы, затрагивающие приватную сферу в виртуальности, перерастают в вопросы, актуальные и для интимной сферы. Гидденс определяет интимность как сексуальные и личные отношения, характеризующие близостью и открытостью²⁷. Несмотря на то, что приватность и интимность часто выступают в качестве синонимов, эти термины необходимо разграничивать. Приватная сфера не является интимной в полном своем объеме. Паспортные данные, взгляды на политическую систему, религиозная приверженность, как и подобные вещи, могут не быть интимными, но относятся к приватной сфере.

У. Эко в работе «Утраченная укромность частной жизни» пишет: «Первое, что утратилось по милости Интернета, из-за глобализации средств связи — это понятие границ». «Посещая домашние странички, обнаруживаешь, что целью множества людей является обнародование своей малоинтересной нормальности, или, хуже того, малоинтересной ненормальности», — замечает он и считает, что добровольный отказ от приватности граничит с патологией и эксгибиционизмом²⁸. Таким образом, «утраченная укромность частной жизни» распространяется в публичном: на телевидение мы видим, как известные актеры и политики сами готовы рассказывать свои постыдные секреты, требуя в ответ на это внимание зрителей. Сами зрители постоянно испытывают искушение открыться миру в интернете, чтобы придать себе статус и тоже получить доверие. Такой переход интимной сферы в публичную, по мнению Эко, лишает нас «благотворного средства разрядки» — сплетен: «сплетня из шепота превращается в крик, достигая всех обсуждающих, и даже всех обсуждаемых, и даже тех, кому эта сплетня вообще неинтересна»²⁹. Пользователь сталкивается с таким количеством личной информации в интернете, что либо вынужден потреблять ее и сострадать, либо замыкаться на собственной персоне, либо становится нечувствительным к этой среде в принципе.

Сращивание публичной и интимной сферы особенно ярко проявляется при анализе виртуальных дневников, а также, что на сегодняшний день более актуально — социальных сетей. В статье «Публичная интимность» М. А. Кронгауз приходит к выводу, что в блогосфере, изначально задуманной как интимное пространство и ставшей впоследствии пространством социальным, возникает «зазор между публичностью и интимностью», который позволяет использовать разные коммуникативные стратегии. «Новые медиа и личная страничка в соцсетях ста-

новятся зоной смешения публичного и интимного дискурсов, которые, тем не менее, не приходят в равновесие. Имея возможность использовать различные коммуникативные стратегии, нередко чередуя их, блогер прибегает к тому или иному дискурсу, что равноценно смене масок или ролей в повседневной жизни»³⁰.

С. Жижек считает, что по причине массового распространения личных данных, публичное пространство и его достоинство исчезает, потому что не может существовать без масок, носимых на публике³¹. Ситуация, когда журналисты или сотрудники спецслужб способны раскрыть даже самые интимные тайны любого человека, тем самым как бы срывая с него маску, наносит удар не столько по частной, сколько по публичной сфере. Жижек вводит понятие солипсизма — «это исчезновение границы между публичным и частным, которое означает, что подробности интимной жизни становятся составляющей публичного образа, доступными каждому в книгах или на веб-сайтах, а не непристойной тайной, о которой говорят по секрету»³².

Винсент Миллер считает, что «цифровая идентичность нового человека» уже не может существовать без рефлексии посредством блога и самопрезентации через аватар³³. Каждый человек становится селебрити и с помощью социальной сети конструирует свой образ для участия в публичном диалоге. Миллер отмечает, что если в начале интернет был полон искусственно созданных образов (никнов), то сейчас имеет место быть тенденция деанонимизации. Обладая графом в социальной сети пользователи открыто используют его и на других площадках. Это полностью срывает все маски, которые необходимы человеку для функционирования в публичной сфере.

Интересную метафору диалектики публичной и интимной сферы приводит Макс ван Манен в статье «The Pedagogy of Momus Technologies: Facebook, Privacy, and Online Intimacy». В ней анализируется приватное и интимное пространство молодых людей, причем как особенности трансформации этих понятий, так и негативные стороны процесса, а также как такое явление влияет на педагогический процесс. Автор использует метафору, сравнивая социальные технологии, такие как Facebook, MySpace, Twitter и др. с деятельностью древнегреческого бога Момуса. Он всегда наблюдал за деятельностью других богов, критиковал их, но так и не сделал сам ничего особенного³⁴. Так и технология открывает двери во внутреннее пространство человека, его мысли и личную жизнь. Для цифрового поколения меняется само значение «интимного». С одной стороны, мобильные технологии позволяют держать сообщения в секрете, с другой социальные сети демонстрируют все на виду³⁵. Манен даже приводит пример, что молодые люди пере-

²⁵ Сеннет Р. Падение публичного человека. М., 2003.

²⁶ Кундера М. Нарушенные завещания. Азбука-классика, 2008.

²⁷ Giddens A. The transformation of intimacy: Sexuality, love and eroticism in modern societies. Stanford, CA: Stanford University Press, 1993.

²⁸ Эко У. Полный назад! Утраченная укромность частной жизни. URL: http://humanitarius.com/static/nazad_04.html (Дата обращения: 17 июня 2012)

²⁹ Там же.

³⁰ Кронгауз М.А. Публичная интимность. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2009/12/kr10.html> (Дата обращения: 17 июня 2012)

³¹ Жижек С. 13 опытов о Ленине. М.: Издательство «Ад Маргинем», 2003.

³² Там же.

³³ Хабермас Ю. Первым почуять важное: Что отличает интеллектуала. В: Неприкосновенный запас, 2006, № 3. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2006/47/ha2.html> (Дата обращения: 17 июня 2012). С. 159.

³⁴ Van Manen M. The Pedagogy of Momus Technologies: Facebook, Privacy, and Online Intimacy. In: Qual Health Res, 2010, vol. 20. P. 1024.

³⁵ Ibid. P. 1026.

САКОВИЧ Екатерина Сергеевна / Ekaterina SAKOVICH

| Диалектика приватности и публичности в виртуальном пространстве |

стали использовать электронную почту для личной переписки, т. к. она кажется слишком формальной и интимной. Facebook и MySpace являются признаками нового социального нарциссизма, но это не значит, что молодые люди не имеют личной жизни внутри цифрового пространства. Манен отмечает, что даже с незнакомыми людьми, с которыми мы никогда не встречались лицом к лицу, мы можем испытать сверхъестественное чувство близости в интернете, которое имеет шанс перерасти в «чистые отношения» Гидденса³⁶. Благодаря фантазии и воображению усиливаются воспоминания текстовых сообщений и их значимость.

Подобную заикленность на собственных ощущениях и трансформацию интимных отношений в виртуальном пространстве изучает Арон Бен-Зеев в работе «Love Online: Emotions on the Internet». Автор также считает киберпространство пространством обнажения, где люди часто снимают их маски.³⁷ Также при общении в онлайн активно функционирует воображение, оно трансформирует многие явления, делая их более насыщенными, а также помогают людям удовлетворить часть своих глубочайших желаний. Это освобождает людей от ограничений, налагаемых на тело и их окружение. Эмоциональное самораскрытие (особенно то, что идет в разрез с принятыми моральными нормами) скорее всего, реализуется в интернет-коммуникации. В связи с этим, онлайн отношения часто имеют более высокую степень интимности, чем офлайн-отношения³⁸. По мнению автора, это и является сущностью виртуальной коммуникации.

Тем не менее, Бен-Зеев отмечает множество проблемных сторон такой коммуникации: она вызывает привыкание, изолирует пользователя от своей семьи, искажает реальность человека. Встает вопрос об отношении таких понятий, как близость и непосредственность, полнота и скудность коммуникации, анонимность и открытость, искренность и самообман, физические и психические инвестиции. Также хотя кибер-отношения могут быть более искренними и открытыми, чем офлайн-отношения, они также оставляют много места для обмана, несмотря на то, что отношения онлайн характеризуют больше неоправданные мечты, чем обман. Также ценным для человека является сохранение его конфиденциальности, которая не должна быть полностью разрушена даже в интернете. Бен-Зеев приводит цитату Милана Кундера: «Если бы человек существовал так же открыто, как государство, его интимная жизнь была бы чудовищной. Он не имел бы возможности для спонтанности в ней, но также и не нес ответственность за свою общественную жизнь»³⁹.

Таким образом, Бен-Зеев анализирует моральные аспекты виртуальных отношений и пытается предсказать будущее традиционных романтических отношений в нем. Он соглашается, что виртуальное пространство гораздо более эксгибиционистское, но не считает, что оно лишено секретов и стыда. Стремление к открытости он связывает с особенно-

стями капиталистического общества и более равномерным распределением ресурсов. Сращивание приватности и публичности в нем рассматривается как признак исцеления. Популярным и модным словом в нем становится «делиться», а не «сдерживаться»⁴⁰.

Хотелось бы заметить, что «открытость» в виртуальном пространстве отличается от «открытости» в реальности тем, что всегда преследует некие цели и не является необходимой самой по себе. Как уже упоминалось, это может быть цель привлечения внимания, спасения от одиночества, создание доверия или же другие. Даже неосознанно человек фильтрует личную информацию, размещаемую в онлайн, и не является полностью открытым в нем. Такая ситуация дает возможность говорить о «симуляции интимности» в интернете с целью продвижения собственного виртуальной идентичности.

Инверсия публичности и приватности

В концепциях таких авторов, как Х. Арндт, Ю. Хабермас, Дж. Дьюи, С. Бенхабиб, Р. Барт, У. Липман, Р. Сеннет, Дж. Кин, публичная сфера выступает как рациональная, конструктивная. Именно в публичной сфере, следуя традиции древних греков, человек становился личностью, персоной, развивал свои качества характера. Считалось, что полностью свободным от человеческих страстей можно быть только в публичной сфере. В ней функционируют социальные роли, общественные ритуалы и маски, т. е. нет самости. Приватная сфера же является совокупностью человеческих потребностей, инстинктов животного происхождения. Она существует в эмоциональных и манипуляторных категориях и обнажает самость, внутреннюю личность, сформировавшуюся в публичности. Соответственно, чем богаче публичная жизнь человека, тем гармоничнее складываются его отношения в приватной. И наоборот, чем шире приватная сфера, тем меньше ресурсов остается на публичность. Сеннет оперировал метафорами «свалка и пустырь публичности» в отношении приватной сферы⁴¹. В таком понимании приватность и публичность рассматривается авторами в своем идеальном видении, но в целом они отмечают, что данное соотношение понятий утрачивает свою реальность и остается где-то в прошлом.

Более поздние исследования различных авторов, независимо от их критической направленности (Кастельс, Эко, Бодрийар, Хабермас, Постер, Бен-Зеев), демонстрируют, что публичная и приватная сферы вне реальности реализуются и трансформируются за счет своей виртуализации. Диалектическое единство двух этих понятий в том, что изменение характера интимного всегда сопровождается изменением характера публичного, что отражается на идентичности человека. Размытие границ между публичным и частным оказывает влияние на его самообоснование и проявляется в создании нового языка, новой идентичности. Виртуальное пространство по своей архитектуре закичивается на производстве самости, которая потребляется как товар.

Образ самости генерируется к воспроизведению через технологии Web 2.0 и 3.0, которые направлены на максимальную

³⁶ Giddens A. The transformation of intimacy: Sexuality, love and eroticism in modern societies. Stanford, CA: Stanford University Press, 1993.

³⁷ Ben-Ze'ev A. Love Online: Emotions on the Internet. Cambridge University Press, 2004. P. 3.

³⁸ Ibid. P. 13.

³⁹ Ibid. P. 33.

⁴⁰ Ibid. P. 19.

⁴¹ Сеннет Р. Падение публичного человека. М., 2003.

САКОВИЧ Екатерина Сергеевна / Ekaterina SAKOVICH

| Диалектика приватности и публичности в виртуальном пространстве |

персонализацию всех информационных потоков. Интернет культивирует нарциссизм и вуайеризм. Тенденция к деанонимизации с появлением социальных сетей лишает человека возможности использования масок, которые необходимы для существования публичности и реализации своей персональности в различных контекстах. Как пишет Жижек, с разрушением практики владения масок публичность практически исчезает⁴². Необходимо постоянно сверять свои действия со своим выстроенным образом. Чувство тревожности из-за страха не соответствовать образу порождает необходимость быть самим собой, максимально переводя приватную жизнь в публичную сферу. Также обилие открытой, личной информации в интернете порождает расширение возможностей надзора и контроля.

Можно определить следующие характеристики виртуальной публичности, определяющие качественные изменения этого понятия:

Важные для реализации конструктивного диалога единство времени и пространства не соблюдается. Виртуальной публичности свойственен неограниченный в этих категориях характер взаимодействия. Разряженная плотность коммуникации приводит к меньшему вовлечению в обработку проблемы со стороны ее участников.

Зачастую не все участники имеют одинаково равную заинтересованность в решении проблемы. За счет технологических возможностей происходит имитация ее решения. Она сводится к одобрению или не одобрению дискуссии, а не конструктивным предложениям.

Сложный, растянутый характер взаимодействия разрушает последовательность действий, принятую в публичной сфере, — повестка дня, общая проблема, консенсус. Коммуникация раздроблена, и возникает ситуация, когда у каждого участника своя повестка дня, и замыкается она на себя же.

Отсутствие цензуры в интернете, а также авторитета в диалоге, приводит к массовой доступности к неотредактированным высказываниям и нецелесообразным предложениям, которые усложняют процесс принятия решения.

Само виртуальное пространство из-за своего архитектурного решения становится гомогенным, что лишает возможности соприкоснуться с альтернативными контекстами.

Традиции капиталистического общества и персонально ориентированные структуры новых медиа привели к необходимости использования личных данных для присутствия в публичной сфере. Завоевание авторитета происходит за счет самопродвижения. Постмедийная среда характеризуется трансляцией себя как медиа.

Такие психологические факторы, как одиночество, нарциссизм, отчужденность сформировали новый тип идентичности участника публичной сферы, который можно охарактеризовать такими качествами, как фрагментарность, мозаичность, заимствованность, тревожность.

Тенденция открытости и деанонимизации в публичной виртуальной сфере реализуется лишь частично, не смотря на внешне заметное слияние приватной и публичной сферы, конфиденциальность и секретность не исчезают из этой коммуникации. Происходит симуляция интимности с целью реализации определенных целей.

Данные характеристики дают возможность сделать вывод, что под влиянием различных факторов (социальных и технологических) публичная и приватная сферы не могут быть описаны по принципам, существовавшим в XX веке или ранее. Качественные изменения виртуальной публичности и диалогичное единство с приватностью формируют новый дискурс общественных отношений. Из-за нехватки публичного приватная сфера приняла на себя статус публичности и поглотила ее, субстантивировала в публичную сферу. Отсутствие публичности замещается частной жизнью, что становится проекцией публичной сферы в приватную. В виртуальном пространстве мы наблюдаем инверсию этих понятий. Публичность существует как тотальное потребление приватного: особенно это можно наблюдать в отношении визуальных данных, получивших распространение с развитием технологий. Тем не менее, причины такого явления, как было указано ранее, лежат не только на стороне технологизации. Социальные изменения и сложившаяся капиталистическая система способствуют инверсии приватности и публичности, открывая больше возможностей для контроля и управления, а также стимулированию к потреблению.

⁴² Жижек С. 13 опытов о Ленине. М.: Издательство «Ад Маргинем», 2003.

